

При кафедре детской речи РГПУ им. А. И. Герцена имеется лаборатория, в которой собраны образцы речи детей. Это родительские дневники, расшифровки магнитофонных записей, разного рода факты, полученные в экспериментах, и т. п. В совокупности все эти материалы составляют «Фонд данных детской речи», являющийся самым обширным из существующих в России хранилищем детской речи. На материале этого фонда написано уже немало докторских, кандидатских, магистерских диссертаций, несколько монографий. Ими пользуются не только российские, но и западные специалисты. Записи используются и для разработки учебно-методических пособий для студентов. В последние десятилетия лингвистика детской речи (онтолингвистика) преподается во многих российских университетах и педагогических институтах. Кафедра детской речи, существующая в РГПУ им. А. И. Герцена с 1991 г., играет роль всероссийского центра, осуществляющего научную и учебно-методическую деятельность в области детской речи и координирующая работу отечественных лингвистов, психологов, логопедов, методистов, учителей-словесников, имеющих отношение к речи детей.

Предполагаем публиковать в нашем журнале материалы «Фонда данных детской речи» с краткими пояснениями.

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ

Ребенок задумывается о происхождении слова и о его значении

Чуковский назвал ребенка в возрасте от двух до пяти гениальным лингвистом. Прав ли он? В каком смысле ребенок может быть уподоблен лингвисту? Ведь он не владеет даже элементарными лингвистическими понятиями, необходимыми для языкового анализа. Он не знает, что такое приставка, суффикс, синоним, антоним и пр. Существует достаточно устойчивое мнение, что осознавать язык и языковые явления ребенок может только под руководством взрослого, который может объяснить ребенку суть языковых явлений. На самом деле, это ошибка. Уже в весьма раннем возрасте ребенок начинает осмысливать язык и языковые единицы, главной из которых является слово. Это можно доказать, анализируя детские рассуждения о языке и вопросы. Ниже приведены детские высказывания, показывающие, что ребенок дошкольного возраста на время становится стихийным этимологом, то есть неумышленно ищет так называемую внутреннюю форму слова, пытаясь определить его происхождение. Иногда он попадает впросак, ориентируясь на случайное созвучие не имеющих отношения друг к другу слов, иногда угадывает их подлинную историческую связь. Но сама по себе его пытливость удивительна. Если бы удалось сохранить этот интерес ребенка к языку и в школьные годы, русский язык был бы самым любимым предметом школьной программы.

Возможны случаи, когда ребенок, основываясь на звучании слова, пытается определить значение слова: Казак — это муж козы, да? (Катя Б., 4 года).

Мама читает стихотворение: «То как путник запоздалый...» Прерывает чтение и спра-

шивает: «А кто такой путник?» Настя: «Это тот, кто путает все». Кирилл: «Нет, это тот, кто путь держит» (Настя С., 5 лет 3 месяца, Кирилл Г., 5 лет).

Кириллу читают сказку: «...Ежик огрел волка по спине палкой». Кирилл: «Так ему и надо, волку! А почему у ежика палка горячая?» (Кирилл Г., 4 года 4 месяца). Очевидно, слово «огреть» и в самом деле связано по своему происхождению со словами «греть» и «горячий», но взрослый ни за что бы не догадался, а ребенок эту связь обнаруживает.

Детей вообще интересует, откуда появляются те ли иные слова. Довольно часто ребенок понимает значение слова и даже употребляет его в тех случаях, когда нужно, но при этом задумывается о его происхождении. Вопросы детей неисчислимы: «Мята так называется, потому что ее мять можно?», «Пушкин, он из пушки стрелял», «Пионеры так назывались, потому что играли на пианино», «Я пил парное молоко — его из пара делают», «Ты знаешь, почему лягушки называются земноводными? Потому что они зимой в воде живут», «А ежевика так называется, потому что на ежика похожа?» (Оказывается, есть такая этимологическая гипотеза в самом деле).

Иногда они переделывают слова, чтобы вернуть им утраченную (или отсутствующую) мотивированность. Особенно часто это случается со словами, которые заимствованы из других языков. Естественно, что они не связаны по своему происхождению ни с какими словами русского языка. Дети, однако, эту связь придумывают и часто перестраивают слово, прибегая к так называемой народной этимологии. Под «народной этимологией» принято понимать случаи модификации звуковой оболочки слова типа «полусадик» вместо «палисадник» или «спинжак» вместо «пиджак». Дети действуют подобным образом: «Вырасту — буду конькеистом. Буду в конькей играть», «В зоопарке видели такого горблюда [верблюда]», «Мазут» переделывают в «мазюк», «операцию» в «ободрацию», «одеколон» в «духолон», «вентилятор» в «вертилятор». Подобные примеры можно приводить до бесконечности.

Достаточно часто такая перестройка происходит и с исконно русскими словами, мотивированность которых уже не очень ясна. «Молоток» превращается в «колоток», «гребешок» в «причешок», «кузов» в «грузов» или «пузов». Особенно забавны случаи, когда ребенок, немного изменяя звучание, возвращает слову ту мотивировку, которая была когда-то. Так, «вратарь» заменяется на «воротарь» (ср. *врата* и *ворота*), «одеяло» становится «одевалом».

Доверие ребенка к тому, что называют в лингвистике внутренней формой слова, так безгранично, что один мальчик сумел даже услышать звон своего позвоночника: «Я сегодня так быстро бегал, что у меня даже позвоночник звенел!» В современном языке эти слова не являются родственными, но ребенок эту связь восстанавливает.

В следующий раз мы расскажем, как дети воспринимают и перестраивают устойчивые обороты — фразеологизмы.

С. Н. Цейтлин,
заведующая кафедрой детской речи